УДК 343.985.4

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ИНСЦЕНИРОВОК В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Кушова Ю.О. [1]

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются криминалистические и процессуальные аспекты выявления признаков криминальной инсценировки при производстве осмотра места происшествия. Анализируется сущность инсценировки как способа противодействия расследованию, исследуется механизм следообразования, приводящий к возникновению негативных обстоятельств. Обосновывается необходимость комплексного подхода к оценке обнаруженных следов, включающего мысленное моделирование события и сопоставление выявленных данных с типичными механизмами различных видов преступлений. Формулируются практические рекомендации по организации осмотра места происшествия в условиях проверки версии об инсценировке.

Ключевые слова: криминальная инсценировка, осмотр места происшествия, негативные обстоятельства, противодействие расследованию, следственная версия, механизм следообразования, криминалистическая тактика.

PECULIARITIES OF DETECTING CRIMINAL STAGINGS DURING THE INSPECTION OF THE SCENE OF AN INCIDENT

[1] Научный руководитель: **Ярощук И.А.,** к.ф.н. доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Kushova Y.O.[2]
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

Abstract. The article examines criminalistic and procedural aspects of detecting signs of criminal staging during the inspection of the scene of an incident. The essence of staging as a method of counteracting investigation is analyzed, and the mechanism of trace formation leading to the emergence of negative circumstances is explored. The necessity of an integrated approach to assessing the discovered traces, including mental modeling of the event and comparison of the revealed data with typical mechanisms of various types of crimes, is substantiated. Practical recommendations for organizing the inspection of the scene of an incident under the conditions of verifying a version of staging are formulated.

Keywords: criminal staging, inspection of the scene, negative circumstances, counteraction to investigation, investigative version, mechanism of trace formation, criminalistic tactics.

Осмотр места происшествия традиционно рассматривается в криминалистике как следственное действие, обладающее наибольшим информационным потенциалом для установления обстоятельств события, имеющего признаки преступления [2]. Именно на этом этапе формируется фактическая база, определяющая направления дальнейшего расследования, выдвигаются версии и определяются объекты, подлежащие экспертному исследованию. Вместе с тем эффективность осмотра напрямую зависит от того, насколько точно следователь способен отграничить естественный ход

[2] Scientific supervisor: **Yaroshchuk I.A.,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Forensic Science and Criminalistics, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

событий от искусственно созданной картины, направленной на введение его в заблуждение.

Криминальная инсценировка представляет собой сложный и многогранный феномен, сущность которого заключается в создании альтернативной, ложной реальности, нацеленной на маскировку истинного события. Являясь интеллектуальной формой противодействия расследованию, она искажает не только внешнюю картину происшествия, но и само содержание события, что существенно осложняет познавательную деятельность следователя, приводит к возникновению тупиковых ситуаций и нарушению причинно-следственных связей [3]. В этих условиях осмотр места происшествия приобретает особое значение, поскольку именно в ходе него закладывается основа для выдвижения версий и последующего изобличения виновных.

Для понимания того, каким образом инсценировка выявляется в ходе осмотра, необходимо прежде всего обратиться к вопросу о её сущности и механизме следообразования. Р.С. Белкин определял инсценировку преступления как «создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц» [2]. Инсценировка всегда представляет собой систему действий, объединяющую способ совершения и способ сокрытия преступления . Её основной целью является формирование у следователя ложного представления о характере происшедшего события - например, инсценировка самоубийства, несчастного случая, кражи с взломом [7].

Принципиально важным для теории и практики осмотра является положение о том, что механизм следообразования при инсценировке является «дефектным» по сравнению с механизмом реального преступления . Этот «дефект» обусловлен действием как объективных, так и субъективных

факторов. К объективным относится невозможность искусственного создания всей совокупности следов, идентичной реальному событию, а также отсутствие «неконтролируемых» следов, неизбежно возникающих в ходе подлинного преступления. Субъективные факторы связаны с неопытностью преступника, его стрессовым состоянием, отсутствием полных знаний об обстановке инсценируемого события, влиянием непредвиденных обстоятельств [5].

Результатом этого «дефекта» становится возникновение системы негативных обстоятельств - данных, которые противоречат предполагаемой, инсценированной версии события. В криминалистике под негативными обстоятельствами понимаются данные, противоречащие версии об обстоятельствах, характере и субъектах предполагаемого деяния; они противоречат прежде всего той картине, которую стремились создать субъекты сокрытия преступления с целью уклонения виновных от ответственности [4]. Именно негативные обстоятельства выступают тем индикатором, который позволяет заподозрить инсценировку и направить осмотр в русло целенаправленной проверки возникшего сомнения.

В криминалистической литературе предложена классификация следов, указывающих на инсценировку, которая сохраняет методологическое значение и для современных исследований. Суть её сводится к трём основным категориям: во-первых, это следы, которых не должно быть, если бы исследуемое событие было реальным («следы наличия»); во-вторых, это следы, которые не обнаружены в силу их отсутствия, но которые с необходимостью должны были возникнуть в случае реальности инсценированного события («следы отсутствия»); в-третьих, это следы, которые относятся к числу характерных для инсценированного события, однако их состояние не соответствует тому, в котором они должны находиться в сложившейся ситуации, - по внешнему виду, качеству, количеству и т.д.[5]. Данная классификация позволяет следователю не

ограничиваться простой фиксацией обнаруженного, а оценивать обнаруженное в системе координат «должного» и «сущего», что и составляет суть криминалистического мышления при проверке версии об инсценировке.

Следует подчеркнуть, что негативные обстоятельства не исчерпывают собой всего круга признаков инсценировки, и их выявление само по себе ещё не свидетельствует о том, что событие было инсценировано. Негативные обстоятельства, выявленные в процессе расследования, а чаще уже при осмотре места происшествия, не говорят с необходимостью только об инсценировке. Они могут быть следствием и иных причин, в том числе объективных изменений обстановки, произошедших после совершения преступления, действий лиц, не связанных с событием, или особенностей самого механизма происшедшего [6]. Поэтому выявление негативного обстоятельства должно рассматриваться не как готовый вывод, а как отправная точка для построения и проверки конкурирующих версий.

Г.А. Зорин и Я.Ц. Хуэй характеризуют преступную инсценировку как многогранное явление, включающее в себя «способ введения в заблуждение, демонстрацию ложной очевидности, рефлексивную игру и иллюзию, сформированную для субъекта расследования, форму преступного риска, систему порождения негативных обстоятельств, изваянную в следах ложь, преобразование следов преступления» [8]. Эта характеристика подчёркивает, что инсценировка не является простой суммой разрозненных действий; она представляет собой целостную систему, в которой каждый элемент подчинён общей цели - созданию у следователя ложного образа происшедшего.

Одним из наиболее характерных признаков выступает демонстративный характер следов преступления. Пытаясь навязать следователю «свою» версию, преступник стремится придать месту происшествия максимально убедительный вид и в этом усердии нередко лишается чувства меры, «переигрывает» [7]. В итоге выявляются неоправданные разрушения, нарочитый беспорядок, чрезмерная

выраженность следов, тогда как в действительности преступник никогда не стал бы тратить время и усилия на то, что прямо не требуется для достижения его цели. Искусственная демонстрация направлена на то, чтобы следователь отказался от поиска следов маскируемого события, и если следователь не выдвинет версию об инсценировке, он рискует не заметить того, что преступнику было бы желательно скрыть. Чрезмерность, «перевыполнение цели» придаёт создаваемому образу отпечаток неестественности и способно сыграть обратную роль — не убедить, а вызвать сомнение в реальности события.

Другим признаком выступает наличие на месте происшествия признаков различных преступлений. Разумеется, сочетание признаков двух и более деяний может быть результатом их действительной совокупности, например изнасилования и убийства. Однако сочетание признаков таких преступлений, которые обычно не совершаются одновременно одним и тем же лицом в одном и том же месте, с большой вероятностью указывает на инсценировку [7]. В качестве примера можно привести сочетание признаков наезда и изнасилования, поджога и кражи.

Показательным является и сокрытие отдельных признаков на месте происшествия. Лица, не имеющие отношения к объекту преступного посягательства или к месту преступления, лишь в исключительных случаях прибегают к инсценировке и к сокрытию преступного характера своих действий. Главное, к чему стремится преступник, - не оставить своих следов, по которым его можно разоблачить и разыскать. Поэтому уничтожение одной части следов при видимом пренебрежении к другим представляет собой весьма показательное обстоятельство.

Наконец, несоответствие признаков на месте происшествия механизму подлинного события представляет собой, пожалуй, наиболее ёмкий в познавательном отношении признак. Предусмотрительный преступник старается выполнить весь комплекс действий, присущих инсценируемому

событию, но зачастую не может избежать соблазна облегчить себе выполнение этой задачи: взламывает стену в тонком месте, делает пролом с внутренней стороны, ломает не ту преграду, которая реально препятствовала бы проникновению, и т.п. Подобные «упрощения» и «недоделки» объективно противоречат той модели события, которую преступник пытается предъявить следователю.

Конкретизация этих общих признаков применительно к отдельным видам инсценировок даёт более осязаемый материал для оценки обстановки. Так, на убийство, замаскированное под самоубийство, могут указывать отсутствие подставки под висящим в петле трупом, ноги которого не касаются пола или земли; установление факта образования странгуляционной борозды после наступления смерти; установление того, что потерпевший не мог написать предсмертную записку, поскольку был неграмотным. Об инсценировке кражи могут свидетельствовать расположение следов взлома изнутри помещения, отсутствие металлических опилок при наличии замка с перепиленной дужкой, установление того, что размеры пролома недостаточны для проникновения через него человека или протаскивания похищенного. В каждом из этих случаев негативное обстоятельство носит предметный, осязаемый характер и может быть зафиксировано и оценено непосредственно в ходе осмотра.

Выявление перечисленных признаков требует от следователя не просто внимательного наблюдения, но и определённой организации познавательной деятельности. Осмотр места происшествия в условиях возможной инсценировки не может быть сведён к механическому описанию объектов; он предполагает активную мыслительную работу, направленную на сопоставление наблюдаемого с типичными моделями различных событий.

Одним из продуктивных методологических приёмов является мысленное моделирование события. Суть его состоит в последовательном восстановлении того, как должно было бы выглядеть место происшествия,

если бы событие развивалось в соответствии с каждой из конкурирующих версий, и в последующем сопоставлении этих мысленных моделей с фактической обстановкой . С.И. Медведев подчёркивал, что разоблачение инсценировки требует «не простого сопоставления инсценированной обстановки места с представлением о том, как это место должно было бы выглядеть, если бы здесь действительно произошло инсценированное событие», но «детального анализа самой инсценированной обстановки, выяснения и проверки всех связей между её элементами, обнаружения признаков искусственности этих связей и т.п., т.е. операции по разоблачению инсценировки „изнутри“, исходя из дефектов и просчётов, допущенных исполнителем инсценировки при реализации своих замыслов» [9]. Такой алгоритм позволяет не просто «на глаз» оценивать обстановку, а подвергать её систематической проверке на внутреннюю непротиворечивость.

Существенное значение имеет и правильный выбор способа осмотра. Применительно к ситуациям, когда существует вероятность инсценировки, оптимальным видится концентрический способ осмотра, поскольку подозреваемые в совершении инсценировки лица могут проникнуть на ещё неосмотренные участки и внести изменения в обстановку . Концентрический способ, при котором движение осуществляется от периферии к центру, позволяет в большей степени контролировать пространство и снижает риск утраты следов, которые могут быть уничтожены или изменены заинтересованными лицами. Разумеется, выбор способа не является догмой и должен определяться характером обстановки, однако в условиях проверки версии об инсценировке фактор сохранности ещё не исследованных участков приобретает повышенное значение.

Наконец, необходимо подчеркнуть роль специалиста и судебно-медицинского эксперта при осмотре. В соответствии с частью 1 статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации осмотр трупа производится следователем с участием судебно-медицинского эксперта, а

при невозможности его участия - врача [1]. Участие специалиста не сводится к формальному присутствию; именно специалист способен оценить характер и локализацию телесных повреждений, механизм их образования, соответствие или несоответствие обнаруженных следов той картине, которая предъявлена следователю. В случаях, когда речь идёт об инсценировке самоубийства, дорожно-транспортного происшествия или несчастного случая, заключение судебно-медицинского эксперта нередко становится тем звеном, которое позволяет перевести смутное сомнение в обоснованную версию.

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов, имеющих значение для практики осмотра места происшествия.

Во-первых, криминальная инсценировка не является чем-то экстраординарным; это закономерная форма противодействия расследованию, и следователь должен быть готов к её выявлению при осмотре практически любого места происшествия, где обстановка содержит элементы «театральности» или внутренней противоречивости.

Во-вторых, ключевым инструментом выявления инсценировки выступает анализ негативных обстоятельств - данных, которые не укладываются в предполагаемую версию события. Негативные обстоятельства не являются доказательством инсценировки автоматически, но они служат сигналом к построению конкурирующих версий и к более тщательному исследованию тех объектов и участков, которые при некритическом восприятии обстановки могли бы остаться вне поля зрения.

В-третьих, эффективность осмотра в условиях проверки версии об инсценировке определяется не только внимательностью, но и методичностью. Мысленное моделирование события, сопоставление наблюдаемого с типичными механизмами преступлений соответствующего вида, выбор рационального способа осмотра и использование специальных

познаний - всё это образует тот инструментарий, который позволяет превратить осмотр из пассивной фиксации в активное познание.

Наконец, следует учитывать, что выявление инсценировки не является самоцелью. Обнаружение негативных обстоятельств и формулирование версии об инсценировке создаёт основу для последующей проверки этой версии процессуальными средствами - путём назначения экспертиз, производства допросов, обысков и иных следственных действий . Осмотр места происшествия в этом смысле выполняет роль отправного пункта, задающего направление всей дальнейшей работе по установлению истины по делу.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

3. Данильян С.А. Выявление инсценировки преступления / С.А. Данильян // Epomen. Global. – 2023. – № 41. – С. 43–49.

4. Едигарова А.А. Распознавание признаков инсценировки преступления при производстве осмотра места происшествия / А.А. Едигарова // Альманах молодого исследователя. – 2024. – № 16. – С. 140–144.

5. Климентьева К.С. Методика выявления и разоблачения криминальных инсценировок в процессе расследования отдельных видов преступлений: магистерская диссертация / К.С. Климентьева. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. – 80 с.

6. Самойлов А.Ю. Практико-теоретическое исследование проблематики обнаружения инсценировки при осмотре места происшествия /

А.Ю. Самойлов // Полицейская и следственная деятельность. – 2026. – № 1. – С. 72–85. – DOI: 10.25136/2409-7810.2026.1.77733.

7. Старков Р.В. Особенности выявления криминальных инсценировок в ходе осмотра места происшествия / Р.В. Старков // Молодой учёный. – 2025. – № 48 (599). – С. 298–300.

8. Тагиева Н.А. Роль осмотра места происшествия в разоблачении инсценировок изнасилования / Н.А. Тагиева, Т.Д. Сапрыкина // Молодой учёный. – 2025. – № 1 (552). – С. 178–180.

9. Медведев С.И. Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений / С.И. Медведев. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – 120 с.